

Иноземец / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Иноземец / рассказ ИНОЗЕМЕЦ

Красная китайская маршрутка на тридцать мест с водителем-таджиком подъехала к Арскому полю (кондукторша – дочка шофера выговорила «Арийский пуля»). В салон протиснулся полноватый мужчина. Студентки, повиснув на поручнях, изогнулись буквой «С». Даже со спины было видно, что он нездешний. Затылок и левая рука, которой он ухватился за поручень, были золотисто-шоколадного цвета. На нем приятно пахла и поскрипывала новенькая кожаная куртка, на плече висел портфель из замши. Я сразу догадался, что он – алжирец. До этого мне приходилось с ними иметь дело, и я запомнил, насколько все они одинаковы своей коренастой и склонной к полноте фигурой, одутловатым лицом с большими заплаканными женственными глазами и вялотекущей мыслью в них. Алжирца пихали и заталкивали в угол, где кемарили мужики, а женщины с пакетами готовы были усесться им на колени.

С первых дней пребывания в Казани он мало находил здесь Востока. Иногда на улице попадались плоские девушки покрытые платками. Опущенные глаза, обескровленные лица. Их, как мертвых бабочек, несла поземка на призыв муэдзина. Алжирец тоже пошел на эти заунывные звуки, чтобы выйти к мечети, но отстал, заблудился и уперся в тупик: гаражи, остовы машин, растущие на ветвях стаканы, желтые исписанные сугробы...

Автобус вынырнул из снегопада. На «Карло Марса» в салоне стало чуть просторнее, но ненадолго. Уже лезли, подпिनывая друг друга, тетки с рынка, увешанные сумками. И тут, отряхивая снег с сапожек, вбежала крашенная Джульетта в возрасте Дездемоны, или чуть постарше. Короткая юбка из двенадцати лепестков кожаного мака разбудила мужчин. Мокрое пятно от снега, повыше колена, показалось загадочным. Она держала в руке пакет с апельсинами. Старушки задвинули девушку к алжирцу. Ее ноги, в поисках опоры, тыкались слепыми коленками ему в мягкие ляжки.

Несколько раз таджик давил на тормоза, и тогда Джульетта, ойкая, хваталась за локоть алжирца. Он взмок. Ему казалось, что они стоят голые: чувствовал каждую ее косточку. Портфель соскользнул с плеча и распластался у сапожек Джульетты. Потянувшись за ним, алжирец близко-близко увидел небольшой синяк под капроном, как след от смоковницы. Он машинально сунул руку в карман и стал перебирать финики четок. Субханалла, субханалла...

– Фу, черт! – встрепенулась девушка, наблюдая, как один за другим покидают порванный пакет большие апельсины. Переминающийся народ тут же принялся давить эти оранжевые шары. Салон заблагоухал ароматом алжирских садов. На первом сидении даже перестали ругаться две стервозные тетки.

Когда Джульетта начала протискиваться из толпы, как из тесно завешенного гардероба, то алжирец, не понимая зачем, поплыл вслед за ней. Гармошка дверей сложилась, и они выскочили. Пока она оттирала о сугроб красный сапожок, он робко протянул ей оброненный апельсин. Улыбнулась и взяла.

Она уводила его все дальше и дальше. Наконец, толкнула полуживую от пинков дверь желтого барака. Темный подъезд, на ступенях журчал мужик, через которого пришлось перешагивать.

Алжирец вошел в узкий коридор, откуда Джульетта потянула его за рукав в комнатушку, похожую на немытый аквариум. Серый тюль на окне висел табачным дымом. На подоконнике даже кактус высох и окаменел. В консервной банке кисли бычки, на столе валялись голова воблы и черно-белые фотографии. Алжирец взял одну из них, на него строго зыркнула женщина, застегнутая на все пуговицы. Она тыкала указкой в карту СССР.

На столе появились бутылка рябины на коньяке и два фужера. Он поднял ладонь и нахмурил переносицу, но через минуту уже держал в руках липкий бокал. Губы кривились, но вот терпкие капли омочили язык, и горячая струйка потекла по горлу. Вскоре учительница навела указкой на алжирца и интересовалась: «Куллю тамам?» (Все хорошо?).

Джульетта долго хохотала, когда он сказал, как будет по-арабски «спасибо, хорошо». И потом все повторяла, искажая: «Шукран, ля бес! Ля бес!»

Несколько раз алжирец привычно лез в карман и принимался перебирать четки, но вскоре карман оказался от него далеко – на спинке стула. В ягодицы стрельнула пружина, и в комнате повис грустный звук лопнувшей струны. Взглянув на сервант, на полировке которого отражалась кровать, он увидел только белое тело Джульетты, но его самого рядом с ней не было. Не было. Она курила в постели, стряхивая пепел ему в ботинок, а он учил ее арабскому: «Утро будет «сабах», вечер – «масаа», а ночь – совсем нежно – «лейл».

– Налей мне еще, чуть-чуть! – ныла она.

– Чуть-чуть? Это будет «швайя-швайя».

– Да-да, швайя-швайя! – она отпила и поморщилась: «Брр! Гадость...»

– Хадост! – повторил, соглашаясь, он.

– А как будет «я тебя люблю»?

– Ана бэхэбэк энти!

Джульетта допила, немного помолчала и, наконец, хрипло спросила:

– А как по-вашему мани?

– Фулюс, – грустно ответил алжирец.

– Ты ведь мне оставишь немного своих «флюс», да?

...Он долго не мог попасть ногой в брючину. Грузно прыгал по комнате, чуть не сбил вазочку с веткой красных фонариков. Она наблюдала за ним, подперев белокурую головку. Пятитысячная купюра накрыла учительницу с указкой. Когда искал деньги, вытащил паспорт и карманный Коран в сафьяновом переплете. Положил на клеенку вместе с четками, чтобы переложить в портфель.

Вдруг Джульетта, распахнув покрывало, вскочила с кровати. Нагая, она принялась напевать какой-то мотивчик и пританцовывать. Сделав по комнате круг, прижалась к алжирцу сзади, поцеловала в спину, игривой ручкой потянула денежку к себе. Замахала ею над головой, приговаривая: «Флюс! Флюс! Какой большой флюс!» Разлила остатки рябиновки по фужерам. Сказала: «Пей!» Он замотал головой. «Ну же!» – приказала Джульетта. Алжирец попятился, выставив вперед ладонь. Она

ухмыльнулась и небрежно чокнулась с нетронутым фужером. Бокал, как перезрелый тюльпан, опрокинулся. Алжирец вспыхнул, из глаз брызнули слезы. Схватил Коран и принялся оттирать его краем арафатки...

Куда его несли ноги? Он ничего не соображал...

На мусорной полянке в самом центре Казани, за памятником революционеру в бурке, расположилась троица. Облезлый старик, разгоряченный выпивкой, что-то рассказывал, попыхивая папироской. Один ему верил, второй – ухмылялся.

На картонке – скудный натюрморт: початая бутылка, разорванный руками батон бумажной колбасы, черствая буханка, который выедали из середины. Пластмассовые стаканчики были воткнуты в сиреневый от оттепели сугроб. Разлили еще. Старик, поднимая стакан, бережно прикрыл на груди крестик.

– Эх, вы, безбожники! – поморщился он.

– Что ты, дядя?! – запротестовал дружок и, оттянув с плеча грязный свитер, показал наколку в виде полумесяца.

– А у меня – змея, – похвастал третий. – Ща, во здесь, – он сделал попытку расстегнуть штаны.

– Шо есть Истинная Вера?.. – старик выпив, полез в душу. – Объясните старому дураку!

– Щас я тебе объясню... – татарин с полумесяцем на плече задумался, но вместо ответа принялся сосредоточенно жевать колбасу.

– Вера – блядь! – вспомнил алкаш со змеей в штанах. – Она у Лядского садика живет...

И тут на тропинке перед собутыльниками вырос алжирец. Старик ухватил его за штанину и, ухмыляясь, спросил: – Неужто Вера – блядь?

Алжирец отшатнулся, пнул бутылку. Водка весело забулькала. Со всех сторон замахали корявые руки, поднялся рывок. Его повалили. Старик притянул к себе иноверца за грудки и начал брызгать слюной в лицо. Перед глазами алжирца угрожающе раскачивался гирькой на цепи тяжелый нательный крест. Натянули куртку на голову, вывернули карманы. Татарин принялся рыться в портфеле. И тут алжирец резко рванулся и бросился наутек. На краю оврага

поскользнулся и кувыркнулся вниз. Следом за ним полетел портфель. По склону запорхали визитки, белыми птицами закружились тетради, испещренные арабским письмом.

..Весь мокрый, в снегу и глине, он дрожал. От него шарахались – думали, пьяный. Алжирец катался по городу, пока, наконец, не пришел в себя. Вылез и увидел прямо перед собой Старообрядческий храм. Дверь приоткрылась. Внутри крестообразно крутились огни тонких свеч, трещали, бормоча молитвы, язычки, и темные лики с любопытством разглядывали чужестранца. Алжирец втянул ноздрями запах ладана и притулился в углу. Там открыл слипшийся Коран и принялся читать...

Икона, что светилась в глубине золотым оконцем, вдруг стала приближаться. Он почувствовал на себе взгляд теплых карих глаз. Так на него в детстве смотрел только отец. Начищенное блюдо над головой смуглого Бога сияло солнцем, а в апельсинах по бокам – дрожали черные крылья ангелов. Коран высох в горячих пальцах, и алжирец сказал громко: «Женщина – шайтан!» В ответ тонко взвились под купол стройные девичьи голоса, приподнимая низенькую церковь, придавленную казанскими снегами, золотой луковичкой – в синюю проталину. Алжирец не заметил, как в его руке появилась свеча, и горячо зацеловала пальцы.

..Он стал сюда ездить каждое воскресенье: послушать хор и прошептать в уголке свои молитвы. Здесь ему было тепло. Но всякий раз, садясь в красный автобус, надеялся, что однажды в салон войдет Джульетта со вкусом табака и пьяной рябины на губах, которыми пропах его карманный Коран.

Вот и сейчас, устроившись на заднем сидении, он закрывает глаза и видит, как девушка, пританцовывая, стряхивает с сапожек девственный снег и протягивает ему апельсин. Оранжевый шар обжигает ладонь. Он упруг как юная грудь. Алжирец начинает его медленно чистить, берет две дольки, чтобы отправить в рот, и замирает...

Дольки апельсина превращаются в губы Джульетты.

Об авторе: АДЕЛЬ ХАИРОВ

Родился и живет в Казани. Окончил филфак Казанского университета. Лауреат премии «Русский Гулливер». Некаýalar